

Сокровища
древне-
русской
литературы

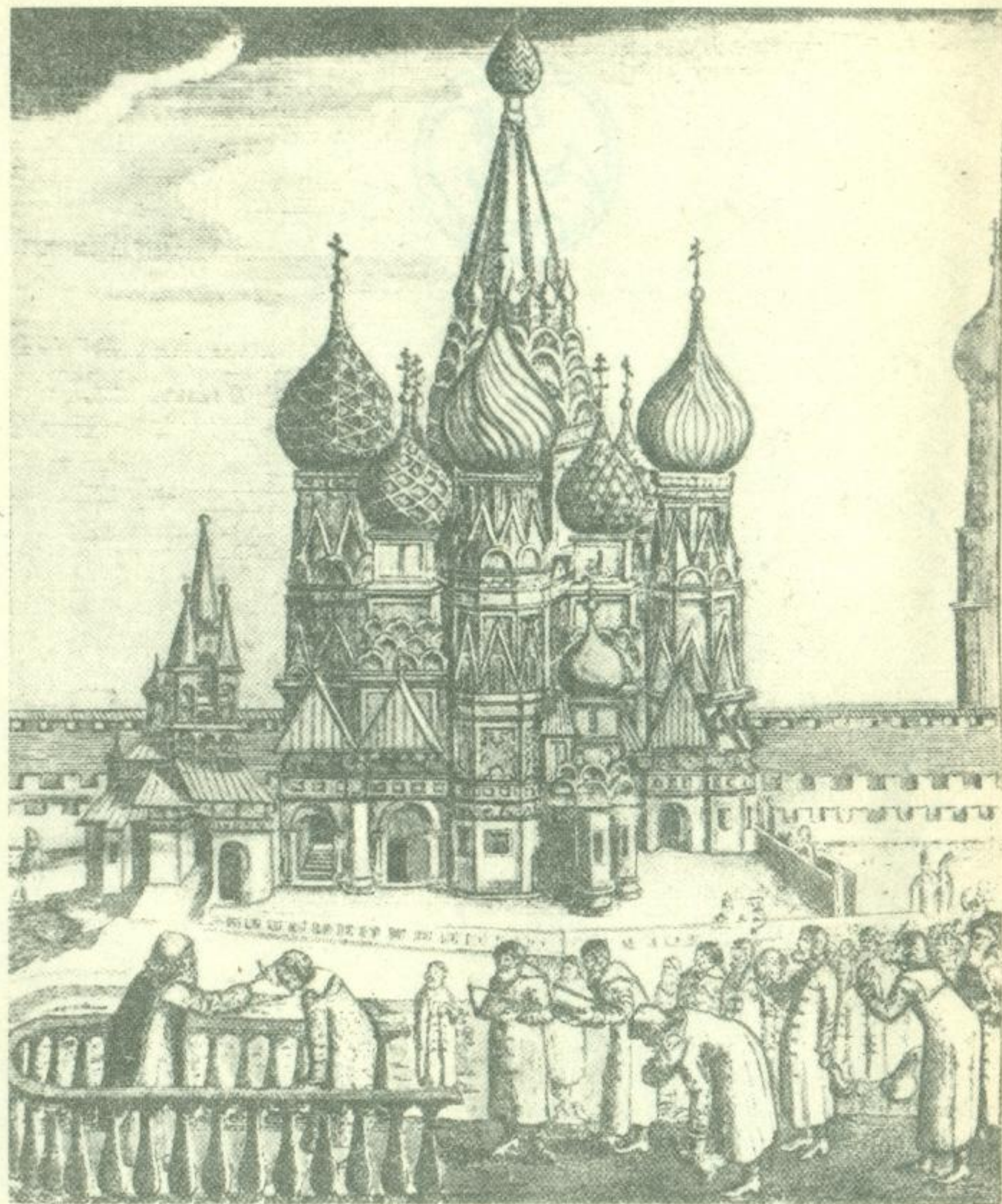
Записки
русских
путешест-
венников
XVI-XVII вв.

Сокровища древнерусской литературы

Сокровища древнерусской литературы

Записки
русских
путешественников
XVI-XVII вв.

Москва
«Советская Россия»
1988

Составление, подготовка текстов, комментариев
доктора филологических наук
Н. И. Прокофьева,
кандидата филологических наук
Л. И. Алехиной

Вступительная статья
Н. И. Прокофьева

Рецензент
доктор филологических наук
А. Н. Робинсон

Художник
Б. А. Диодоров

**Записки русских путешественников XVI—
З-32 XVII вв./Сост., подгот. текстов, коммент. Н. И. Про-
кофьева, Л. И. Алехиной; Вступ. ст. Н. И. Про-
кофьева.— М.: Сов. Россия, 1988.— 528 с.: ил.**

Книгу составляют путевые очерки — записки русских людей, совершавших в XVI—XVII вв. путешествия в различные страны Запада и Востока (Швецию, Англию, Францию, Грузию, Турцию, Египет, Персию, Палестину, Монголию, Китай и др.), — это традиционные паломнические и светские «хождения», «статейные списки» послов, а также «отписки» и «скаска» русских землепроходцев (Е. Хабарова, С. Дежнева, П. Бекетова и др.), исследовавших неведомые северо-восточные и дальневосточные земли.

З 4702010100—247 103—88
М-105(03)88

P1

ISBN 5—268—00567—7

© Издательство «Советская Россия», 1988 г.

Литература путешествий возникла на Руси как жанр на заре русской письменности. Паломнические «хождения» были единственной формой путевых записок в течение почти трех веков, с начала XII по XIV в. включительно. В последней четверти XV в. появились светские хождения, отчетливо заявившие о себе в «Хожении за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, которое стало вершиной в развитии этого вида жанра. К XVI в. сформировались другие жанровые разновидности: «статейные списки» и «росписи» послов, «отписки» землепроходцев.

Все указанные жанровые разновидности занимали немалое место в историко-литературном процессе русского средневековья. Каждая разновидность путевых записок имела свои особенности по объекту изображения, структуре и типу повествователя. Назначение паломнических хождений — рассказать о христианских святынях и достопримечательностях, светских — о торговых или иных поездках в иноземные страны, статейных списков — об обстановке и ходе дипломатических переговоров, отписок землепроходцев — о новых землях и неведомых народах и народностях Сибири и Дальнего Востока. К этому следует добавить, что на протяжении всей истории путевых записок в Древней Руси бытовала особая жанровая разновидность «скаска», которая представляла собой запись устных рассказов о разных путешествиях: паломнических, торговых, дипломатических и землепроходческих. Несмотря на различия литературных форм, однотипная стилистическая система и структурные части были свойственны всем жанровым разновидностям. Общей задачей всех путевых записок было ясно и точно рассказывать о том, что видел и слышал путешественник, а это в свою очередь требовало широкого использования народной лексики и фразеологии. Общей структурной частью являлись сообщения о маршруте

и времени путешествия, соблюдение традиционных приемов описания увиденных мест и городов.

Путевые записки послов назывались «рописями» и «статейными списками», а некоторые из них не имели жанрового обозначения. Как жанровая разновидность, статейные списки успешно распространялись почти два столетия до Петровской эпохи. Назывались они «статейными списками» потому, что должны были дать ответ, по каким статьям (вопросам) велись переговоры и как исполнялся этикет посольского приема. Однако практически статейные списки не ограничивались этими целями. Обилие впечатлений от самого путешествия заставляло расширять рамки этого вида записок, которые Д. С. Лихачев назвал «Повестями русских послов»¹.

Структура повестей русских послов традиционна. Они начинаются с вступления, в котором сообщается время и место, куда направляется посольство и по чьему повелению. Далее описывается путь, иногда указывается только маршрут поездки. В основной структурной части подробно рассказывается о церемониале приема, о ходе переговоров, точно передаются речи участников переговоров и в заключение указывается, каким путем возвращалось посольство обратно и время возвращения. В эту схему в посольских повестях нередко вставляются краткие очерки о природе, о быте и нравах народа, об экономике, о памятниках архитектуры и искусства. Традиционная структура не мешала каждой посольской повести быть оригинальной, своеобразной не только по содержанию, но и по форме. Это зависело от условий путешествия, от особенностей страны, ее порядков, природы и быта и от личности повествователя.

Записки землепроходцев появились в XVII в. Известно, что интерес к северо-восточным народам зародился на Руси еще в древний период ее истории. Югра, или Угра, как народ и как земля, не раз упоминается в древнейших новгородских летописях. Во многих записках говорится о походах на Югру, о дани, налагаемой русскими князьями. Содержатся и некоторые сведения географического характера. Более пространно рассказывается о северо-восточных соседях Руси в житии Стефана Пермского, написанном Елифанием Премудрым. Эти сведения повторены с некоторыми дополнениями в Никоновской летописи XVI в. под 1396 г. в статье «О епископе Стефане Пермском», известном проповеднике и составителе азбуки коми-пермяцкого языка. Но северо-восточные земли за пределами Югорской земли долгое время оставались загадкой. Еще в сказании «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных», возникшем, видимо, в XV в. и дошедшем в пяти рукописных

¹ Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. — М.; Л., 1954. — (Литературные памятники).

списках XVII—XVIII вв., передаются сказочные сведения о жителях Севера и Востока. В частности, в сказании сообщается: «В стране верху Оби реки великая... есть земля Баадь (Баидь) именуется. Леса на ней нет, а людие... живут в земле, а едят мясо соболие. А носят платие все соболия и рукавицы и ноговицы, а иного платия у них нет... А ядь их головы оленьи... А стрелба у них такова: трубка железна в руке, а в другой руке стрелка железна, да стрелку ту вкладывают в трубку ту, да бьют молотком в стрелку». Далее сообщается о каком-то загадочном городе на берегу чудесного озера и о его жителях, покидающих город при появлении посторонних людей, но оставляющих пришельцам еду и товары. В этом сказании достаточно небылиц, подобных переводному сказанию XV в. «Об Индии богатой». Реальные сведения о народах Сибири появились в XVI в., а вслед за тем и точные описания путешествий в глубь Сибири и Дальнего Востока, составленные землепроходцами.

Основным действующим персонажем путевых записок является сам путешественник, точнее говоря, повествователь, от имени которого ведется рассказ и оцениваются события и лица. Повествователь путевых записок — всегда представитель эпохи. Историческая жизнь строго распределила по времени типы повествователей: в его личности как бы концентрировались основные веяния, стремления и чаяния времени. В XI—XIV вв. единственным типом путешественника-повествователя был паломник. Это не означало, что в ту эпоху не было торговых и дипломатических связей со странами Востока и Запада. Известно, что купцы и послы совершали путешествия и в древнейшие времена, однако они не нашли отражения в путевых записках. Паломнические путевые записки создавались на протяжении всей истории русского средневековья, и в них традиционно сохранялся устойчивый тип повествователя, благочестивого человека, благоговейно осматривающего христианские достопримечательности. К такому типу относятся и купцы Василий Поздняков и знаменитый Трифон Коробейников. Сложившийся стереотип повествователя в этом жанре обезличивал путешественника, лишая личность ее оригинальности. Исключение составляет родоначальник жанра игумен Даниил, придавший повествователю свойства благочестивого человека, но в то же время проявившийся в тексте личностью своеобразной и яркой. В XV в. сложился новый тип повествователя — предприимчивый купец, который властно заявил о себе и в исторической жизни, и в путевых записках (Афанасий Никитин). Показательно, что именно купцам в середине XV—XVI вв. поручаются многие дипломатические поездки.

Примечательна и загадочна личность Мисюря Мунехина, или Михаила Григорьева, как он называется в некоторых редакциях сказки

о его путешествии в Царьград и Египет. При этом «Михаил Григорьев» — это его имя и отчество, а «Мисюрь Мунехин» — прозвище, равнозначное современным фамилиям. Само прозвище «Мисюрь» значит «египтянин» (древнее название Египта — Мисюрь). Прозвище он получил после поездки в Египет. Мисюрь Мунехин был весьма заметным деятелем конца XV — начала XVI в. В 1493 г. он в составе русского посольства совершил путешествие в Царьград (ныне Стамбул) и Египет, где находился 40 дней, побывал он в Риме и Венеции, в Солуне (Фессалоники), Нике и на Синае, проехал по городам северного побережья Черного моря к востоку от Царьграда. Позднее Мисюрь Мунехин назначался «стоять» при турецком после Алакозе. Он был близок к старцу псковского Елизарова монастыря Филофею, известному мыслителю и публицисту. Сохранились два послания Филофея Мисюрю от 1517 г. по поводу астрологических предсказаний Николая Немчина и латинской ереси и от 1521 г. по поводу мора в Пскове и злоупотреблений властей. Последние годы своей жизни, с 1510 по 1528 г., Мунехин был дьяком великого князя при псковских наместниках, ведал великокняжеской казной Василия III Ивановича.

Дошедшая до нас скаска посвящена описаниям Царьграда и Египта. Сам отбор материала не случаен. Наш путешественник, как уже сказано, бывал и в других городах и землях. Он посетил Рим и Венецию в пору расцвета культуры Возрождения в этих городах. Возможно, что он добирался туда через другие города Западной Европы. Однако рассказы о них не вошли в скаску. Московское государство конца XV — начала XVI в. рассматривало себя законным преемником Византии, что обусловило возникновение теории «Москва — третий Рим». Это не могло не сказаться в отборе материала для записей о путешествии.

Начинается описание Царьграда с указания семи названий столицы православного христианства в последовательной преемственности: Византия — Царьград — Константинополь — Царствующий град — Седмихолмный град — Новый Рим — Станбол. Столица православия — Новый Рим стал именоваться турецким, мусульманским именем после завоевания турками в 1453 г. Сами названия полны символического смысла. Далее идет указание на символические числа, относящиеся к городу. Оказывается, треугольное расположение Царьграда означает образ Святой Троицы, расположение на семи горах — дни недели, 12 башен — месяцы в году, число ворот 24 — часы в сутках, 365 стрельниц — дни в году.

За перечислением цареградских церквей скрыта мысль о падении Нового Рима. В городе осталось всего «церквей христианских... с пением (то есть со службой) 72, а побусурманено их 380, а пустых 162». Даже чины Цареградского царства перевел турецкий царь: «...как было у христианских царей да имена им по-своему дал». От православного царства

христианского в Новом Риме не осталось ничего даже в названиях.

Описание Египта в скаске не содержит каких бы то ни было легенд. Автор повторил некоторые сведения своих предшественников, сжав их рассказ до перечисления количества мечетей, кермасараев, улиц и дворов в городе. Но Мисюрь Мунехин впервые в русской литературе рассказал о дворе султана, сравнив его с Московским Кремлем.

Заканчивается скаска о путешествии Мисюря Мунехина рассуждением о величии Руси, о ее великой роли в международной жизни; после перечисления городов и земель, которые посетил наш путешественник, автор говорит: «...и ехал по тем градом ничем не вредим божию милостию и славного и грозного государя и великого князя всея Руси. Имя его и слава и гроза в тамошних странах и во всех градах, что солнце на аере сияет, подобно солнцу слава государева во иноверных странах и языцех и происходит в род и род и до века».

Остается неясным вопрос, создавал ли записки о своем путешествии Мисюрь Мунехин сам или он ограничился устным рассказом, дошедшим до нас в записи знаменитого старца Филофея, который был его единомышленником и другом. Не исключено также, как полагает А. А. Шахматов¹, что старец Филофей пользовался записками самого путешественника.

В XVI в. появляется собственно дипломат: образованный и бывалый дьяк Посольского приказа или видный государственный деятель. Наконец, в XVII в., в «переходную эпоху» от средневековья к новому времени, в «бунташное время», как называли этот век сами современники, в истории путевых записок занял большое место землепроходец, выходец из вольного казачества, служилых людей и приказных чинов.

Посол и землепроходец — личности яркие, волевые, с довольно широким кругозором. В них дают о себе знать веяния нового времени. Внешний облик, разумеется, не мог найти своего отражения — это было чуждо самому жанру, но интересы повествователя, его переживания, его реакция на окружающий мир представлены более разнообразно. Повествователь становится личностью, а не абстракцией.

В XVII в. и паломники не укладываются в традиционный тип благочестивого и смиренного человека. Облик Василия Гагары как повествователя наглядно говорит об этом. Его признания о своей жизни до сорокалетнего возраста далеки от благочестия и смирения. Гагара своеобразная и яркая личность, в ней воплотились и былинные свойства новгородского озорника Васьки Буслаева, не верившего «ни в чох, ни в жох, ни в птичий гай», и своевольные настроения «бунташного времени». Он принадлежит к купцам начитанным. Ему ведомы хождения Трифона Коробейникова, на которые он дважды ссылается, «Повесть

¹ См.: Шахматов А. А. Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и хронограф редакции 1512 г. // Известия ОРЯС. — Т. IV, кн. 1. — Спб., 1899. — С. 207, 208.

о мутьянском воеводе Дракуле», проложная легенда о епископе и золотокузнеце (которой в свое время воспользовался Н. С. Лесков для рассказа «Гора»).

Нет покорности и смирения перед духовенством Иерусалима и у Арсения Суханова, приехавшего на христианский Восток для критического сопоставления служебных и церковных порядков, сложившихся на Руси и Востоке. Он не паломник, а посол по особым поручениям, прибыл не поклоняться, а исследовать. Он не только учится, но и учит и даже обличает вифлеемских служителей культа за их нерадивость и стяжательство. Арсений Суханов был и одаренным дипломатом. Недаром московский патриарх Иосиф дал ему поручение выяснить различие церковнослужебных обрядов русской и восточных церквей, а царь Алексей Михайлович приказал установить контакт с Богданом Хмельницким для предварительного выяснения вопроса о возможности воссоединения Украины с Россией. Наряду с выполнением церковных и государственных поручений он по своей воле собирает рукописи и какие-то изделия, о чем скромно сообщает: «Собрав рухлядишко свое в коробью, и книги и всякую мелочь». Известно, что собранная «мелочь» составила несколько сот славянских и греческих рукописей, среди которых находились и античные. Целый обоз доставил в Москву Арсений Суханов; ехал трудным сухопутным путем через территорию Османской империи, горы Кавказа и южные степи, добираясь до границ Московского государства.

Повествователи посольских записок о странах Европы — сильные и интересные личности. Это предвестники Петровской эпохи. Они далеки от тех оценок, которые позднее им давали некоторые русские литературоведы и историки.

Известный филолог Н. С. Тихонравов, очевидно, ошибался, когда писал: «Бессознательное удивление было единственным уделом этих людей, если они попадали в западные государства»¹. В таком же духе писал и В. О. Ключевский: «Неподготовленные и равнодушные, с широко раскрытыми глазами и ртами, смотрели они на нравы, порядки и обстановку европейского общежития, не различая див культуры от фокусов и пустяков, не отлагая в своем уме от непривычных впечатлений никаких помыслов»². Такие суждения далеки от объективной оценки повествователей путевых записок.

Петр Потемкин еще во второй половине XVII в. со знанием дела судил о культуре, порядках и состоянии образования в Европе. Посетив в 1667 г. Францию, он записал: «Люди во Французском государстве человечны, и ко всяким наукам, к философским и к рыцарским, тщатель-

¹ Тихонравов Н. С. История русской литературы: Конспект лекций. — Литограф. изд. — С. 32.

² Ключевский В. О. Собр. соч.: В 8 т. — Т. IV. — М., 1958. — С. 236.

ны. Из иных государств во Французскую землю, в город Парис (Париж) и иные города, приезжают для науки философской и для учения ратного строя королевичи и великородные и всяких чинов люди, потому что город Парис великой и многолюдной и большой, и школ в нем безмерно много, студентов в Парисе бывает тысячь по тридцати и больше».

Следует заметить, что такая высокая оценка состояния образования во Франции не означает слепого благоговения перед европейской жизнью. Тот же Петр Потемкин возмущенно пишет о произволе чиновников во Франции. Он выразительно описал столкновение со сборщиком пошлины на испано-французской границе: «А как видя и твое безстыдство и нрав зверской, как псу гладному или волку несыту, имущу горжан восхищать от пастырей овцы, так тебе бросаю золото как прах». При этих словах Потемкин бросил на землю двести золотых монет, но расписку взял, чтобы получить у короля Людовика XIV компенсацию за эти расходы, дважды напоминал королю и добился своего.

Дух и стиль начала петровских реформ наложили свой отпечаток на повествователя «Записок неизвестной особы». Он человек нового времени, он уже подготовлен к обновлению жизни России. Это прежде всего сказывается в новой системе взглядов, лишенных средневековых традиций. Повествователь приехал в Европу ознакомиться с достижениями ее науки и культуры, он с интересом всматривается во все, с достоинством и знанием дела судит о европейской цивилизации. Его внимание приковано и к религиозным вопросам. Однако показательно, что интерес к религии оваян не только веротерпимостью, что было характерным для паломнических хождений, но и религиозным свободомыслием. Описание различных церквей и монастырей представлено без попытки отдать преимущество какому-либо вероисповеданию. Он равнодушно повествует о службах и обрядах квакеров, католиков, капуцинов, иезуитов, евреев и православных. Его восторгает лишь прикладное искусство церквей и соборов. Но когда он рассказывает о диспуте в связи с присвоением ученого звания, то с гордостью патриота своей страны отмечает, что успеха добился человек «нашей веры»: «В Венеции в греческой церкви был. Одного свидетельствовали нашей веры, достоин ли философского места: сидел владыка, прокураторы 30 человек, сидели духовного чину римлян ученых, и у всех печатные листы, о чем свидетельствуется ученик, и многие ученые люди со оным учеником диспутовались, всем ответ давал».

Повествователь увлечен наукой и культурой, он посещает европейские академии, библиотеки. При посещении академии пишет: «Приехал в Падву (Падую), славная академия». «Ездил в Лейден и был в сей день в анатомии. Тут много вещей знатных, зело предивных много вещей, и обо всех взята книжка на латинском языке». Ватиканскую библиотеку, которую удалось посетить, он назвал «превеликой». В Роттердаме его привлек памятник гуманисту эпохи Возрождения,

врагу религиозного фанатизма Эразму Роттердамскому, о котором он пишет: «Видели славного человека ученого персону из меди. Вылита в подобие человека и книга медная в руках... имя Еразмус».

Но не только наука, культура и искусство Европы привлекали внимание повествователя. Он поведал о жизни и нравах народных: о праздничных маскарадах, традициях травли быков собаками в Италии, о «кулачных боях» и других народных зрелищах.

О многих сторонах европейской жизни, столь непривычных для русского человека, повествование ведется как-то беспристрастно, без эмоций и удивления. Будь то рассказ об ужине в одном из домов Амстердама, «где стояли нагие девки, кушанья на стол и пить подносили все нагия... только на голове убрано, а на теле нет никакой нитки», или о поединке, когда «бьются нагишом, кто первый зашибет до крови или с моста сбросит, тот прав», и многих других европейских нравах. Но когда речь заходит о науках, библиотеках, искусстве, итальянской музыке и пении, чувствуется, что восторг охватывает повествователя, и появляются безыскусные эмоциональные оценки: «славная академия»; «великие науки»; «библиотека превеликая»; «был в библиотеке, превеликое собрание разных книг, хорошее тщение и попечение»; «библиотека пять сажень вдоль, все столы сплошь наполнены книгами разными; шкапы без дверей, ярлыки висят над всяким шкапом, подписаны, какие в коем книги; по середке стол, три глобуса, инструменты, лежат изрядно». С еще большим восторгом ведется рассказ об искусстве: «такая работа, что невозможно верить».

Следует заметить, что итальянские певцы и музыканты произвели особенно сильное впечатление на русского путешественника. В Венеции он слышал двух певцов: «Одной имя Сусана, а другой Осеика — пели похвалу Богородице так изрядно, что вся Венеция удивилась, и мы не слышали во всей Италии такого пения». Далее сообщается: «Тут же был в монастыре, слышал музыки. Такой музыки николи не слышал во всей Европе. Пели девки на хорах и на всех инструментах играли в церкви каталицкой». В записках называются имена лучших певцов и певцов Италии XVII в. («во всей Италии славные певцы»): неаполитанец Мачуль, Маргарита, Картуса, Пикуданино, Сицилия, Катина. Таким «славным певцам» на карнавалах «дают найму по 1000 червонных и больше». В конце XVII в. в России еще не было привычных для позднего времени певческих терминов, поэтому автор певцов называет «девками», певцов «кастратами». Последнее слово в контексте не имеет иронической окраски, а означает, что речь идет о великих певцах.

Только в двух записях сообщается о политической жизни. Причем запись об отношениях Италии с Османской империей освещается косвенно, через описание памятника в Ливорно в честь военной победы над Турцией: «Город велик, на берегу стоит моря. У корабельной пристани сделан столб каменной, на столбе князь флоренской, под

столбом четыре человека турок вылиты из меди: руки назад завязаны, прикованы к столбу на цепях. У князя под ногами чалма турецкая, лук, палаш. А полону турецкого в городе 300 человек, ходят днем по воле, ночью в тюрьме держат».

Повествователи землепроходческих записок стремились поведать о том, как проходили походы в необжитые земли к неведомым народам Сибири и Дальнего Востока, какие природные условия и богатства обнаруженных земель, что представляют собою народности и племена, населяющие эти земли, какие водные и сухопутные пути ведут к открытым землям и как относятся местные жители к присоединению их к России. Инициаторами походов нередко были сами торговцы и промышленники, интересы которых совпадали с интересами государства. Во второй половине XVII в. эти походы стали своего рода бумом. Купцы, промышленники пушного и морского зверя, служилые люди устремились в неведомые просторы, преодолевая огромные трудности, испытывая голод и холод, подвергаясь смертельной опасности. Многие погибли безвестно, но это не останавливало порыва к загадочно богатым землям.

Повествователи землепроходческих записок принадлежат, как правило, к лучшим представителям этого движения. Среди них прежде всего Петр Бекетов, Семен Дежнев и Владимир Атласов, записки которых вошли в сборник. Этот тип путешественников по праву назван землепроходцами. Он начал складываться в русской литературе в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. Бекетов исследовал водные пути Забайкалья, Дежнев — сухопутный и водный путь на северное побережье Чукотки через Анадырь. Среди землепроходцев особое место занимает Ерофей Хабаров. Со страниц записок он выглядит менее всего исследователем, открывателем новых земель и путей к ним, а расчетливым хозяином, усилия которого направлены на освоение открытых земель и завоевание этого права военной силой.

Отношение Петра Бекетова к местным жителям было иное, чем у Хабарова. Он наказывает своим разведчикам, чтобы они разъясняли местному населению, что идет «со служилыми людьми на Иргень Озеро и на Великую реку Шилку с добром, а не с войною и боем». Таких же взглядов придерживался и Семен Дежнев. Он лишен стяжательства и карьеризма. Он непримиримо относился к тем участникам похода, которые бессмысленно грабили и творили насилие над местным населением, и вступил в конфликт с Михаилом Стадухиным, сторонником военной силы. Семен Дежнев — человек добрый и вспыльчивый. В конце его второй отписки рассказывается о суде над членом отряда Михаила Стадухина проходимцем Евсейкой, который «стал на суду говорить невежливо, о носок оперся, и я (Семен Дежнев.— Н. П.) за то невежество хотел его, Евсейка, ударить батагом».

Владимир Атласов ориентирован на мирное присоединение народов Камчатки к России, сам он их «призывал ласкою и приветом». В его

«скасках» последовательно проводится мысль, что присоединение к России народов Камчатки и вообще Сибири и Дальнего Востока выгодно и для них самих, поскольку ограждает от опустошительных набегов родовых племен друг на друга. Он отмечает: «Меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту». Но приходилось Атласову принимать и военные меры, чтобы прекратить межродовые распри. «И они, камчадалские иноземцы, — говорится во втором списке, — стали ему, Володимиру с товарищи, говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтобы ему, Володимиру, с ними на тех иноземцев итти в поход и с ними их смирить, чтобы они жили в совете». Он бережно отнесся к «полонянику», оказавшемуся на западном побережье Камчатки будто бы выходцу из Индии.

Известно, что «полоняник» в 1701 г. был доставлен в Москву, он оказался японцем Денбеем из города Осака, который в дальнейшем, овладев русским языком, рассказал, откуда он родом и как попал на Камчатку¹. В Москве сообщение Владимира Атласова о «полонянике» и «скаска» самого японца вызвали большой интерес, и по приказу Петра I была создана первая специальная школа японского языка, а ее первым учителем был «полоняник» Владимира Атласова.

Русские путевые записки XVI—XVII вв. обогатили сознание современников. Они внесли новый аспект в понимание европейской цивилизации, расширили представление о странах Ближнего Востока, рассказали миру о новом пути в Монголию и Китай, открыли неведомые не только соотечественникам, но и европейцам новые земли и народности Восточной Сибири и Дальнего Востока. Древнерусская литература обогатилась литературными формами и стиливыми приемами в изображении жизни.

Наиболее древняя жанровая разновидность — паломнические хождения претерпевают изменения в структуре и принципах изображения. В их содержании сливаются мотивы, свойственные паломническим и светским (торговым и дипломатическим) хождениям. Такое изменение в стиле отчетливо прослеживается, например, в хождении Трифона Коробейникова.

Другой отличительной особенностью хождений этого периода является стремление беллетризовать повествование за счет утраты достоверности, свойственной хождениям предыдущих веков. В очерковые зарисовки вводятся в изобилии легендарно-увлекательные рассказы. Создается такое впечатление, что паломников интересует не столь то,

¹ Текст «скаска» «полоняника» опубликован Н. Н. Оглоблиным. См.: Русская старина. — Окт. 1891. — С. 19—24. Отрывки перепечатаны с комментариями в кн.: Жуков Ю. Русские и Япония. — М., 1945. — С. 8—13.

что они видят в пути, а то, о чем рассказывают легенды и чего так избегали в записках их ранние предшественники. И чем легенда увлекательнее, тем с большим рвением авторы ее литературно обрабатывают и включают на страницы хождений. При этом пристрастие к легенде сочетается с сознательным вымыслом, маскируемым под достоверное. Трифон Коробейников менее всего воспользовался личными впечатлениями. Он собрал материал из различных письменных и устных источников о местах христианского Востока, блестяще обработал его, приспособив к жанру хождений, и в результате появилось столь любопытное произведение литературы, которое стало на долгое время одним из самых популярных в народе. Это и вводило позднее в заблуждение исследователей, которые, сопоставляя литературные заимствования памятника с реальными фактами путешествия, приходили к выводу, что автор не был в Палестине, Синае и Египте, и на этом основании отказывались признать его первое путешествие реальностью.

На самом же деле Трифон Коробейников действительно совершил в 1582—1584 гг. по повелению Ивана Грозного путешествие в Царьград, Иерусалим и Египет в составе делегации для раздачи денег на помин души убиенного царевича Ивана. Но создал Коробейников свои записки десятилетием позднее. Это подтверждает неизвестный до сего времени документальный запрос царя Алексея Михайловича в Посольский приказ о путешествии Трифона Коробейникова и ответ думного дьяка Михаила Волошенкова царю на этот запрос, где ясно сообщается, что Трифон Коробейников в назначенное время совершил путешествие¹.

Приемы работы Трифона Коробейникова использовал затем Арсений Суханов в своем очерке о Иерусалиме; он уже считал своим долгом указать, что его сочинение «собрано от писаний», то есть создано на основе литературных текстов предшественников, и далее указывает эти источники, среди которых значатся классические хождения игумена Даниила и Трифона Коробейникова.

В хождениях второй половины XVI в. находили место и деловые документы, и очерковые зарисовки, основанные на личных впечатлениях. Вот такой конгломерат, состоящий из легендарных рассказов, очерковых зарисовок, деловых документов, заимствованных литературных описаний, придает стиливое своеобразие этим паломническим хождениям.

«Записки неизвестной особы» по своей литературной форме и содержанию занимают промежуточное положение между светскими хождениями, статейными списками и путевыми очерками нового времени. Новое и старое в них причудливо сливается. Эта смесь, характерная вообще для литературы конца XVII в., особенно заметна и в отборе предметов для описания, и в языке. Традиционная стилистика хождений в описании церковных храмов и христианских святынь контрастирует

¹ ЦГАДА, ф. 138, д. 5, 1649 г., лл. 1—3.

с бытовой народной лексикой. После рассказа о «млеке пресвятыя Богородицы в склянице» идет описание дома терпимости и площадного балаганного представления. Логика такой смеси проста: повествователь ведет рассказ на основе временной последовательности осмотра.

Возникновение в XVI в. новой жанровой разновидности статейных списков с их целевым назначением изображать достоверно обстановку приема послов и точно воспроизводить речи участников переговоров повлекло за собой необходимость создания новых стилевых приемов, побудило авторов обращать внимание на жесты, позы, обозначать место, где стояли участники посольского приема, детально рассказывать, как они действовали. В статейном списке Ф. А. Писемского показана своеобразная мизансцена приближения русских послов во дворец к залу приема, где их ожидала английская королева. Здесь подробно описано, как несколькими рядами придворные, сопровождая послов, приближались к тронному залу, «витався за руки», и как происходил церемониал действий уже в самом зале: «и шпедчись с Федором и с Неудачею, витались за руки. И Федор и Неудача подступили к ней близко, и правил Федор королевне поклон, и королевна Федора звала к руке. И Федор у королевны был у руки, являл ей от государя поминки; и королевна государевы поминки принимала сама и отдавала своему казначею... И королевна, приняв грамоту, посмотри ее печати, отдала дяку своему... а Федору молыла (молвила.— Н. П.): «Яз де русской грамоте не умею, будет у вас с тое грамоты список переведен на английской язык, и вы дайте мне список». И Федор взял у толмача Елизара с верующие грамоты переводной список, подал королевне».

Вся сцена приема представлена подобно драматургическому сценарию. Так реализм описания самого церемониала, соблюдаемого во время приема послов и ведения дипломатических переговоров, породил стиль сценарности в основной структурной части статейных списков.

Следует, однако, заметить, что этот стиль в древнерусской литературе использовался и раньше в «Чиновниках», в сочинениях, посвященных исполнению обрядов, в частности обряда венчания на царство. Впервые в хождении он применен еще в конце XIV в. Игнатием Смольнянином. В XVI—XVII вв. он получил дальнейшее развитие.

Вслед за изображением церемониала приема в том же списке Ф. Писемского передаются пространные речи, произнесенные на приеме, в записи господствует стиль русского разговорного языка. Показателен монолог самой английской королевы: «И яз о том государю вашему много челом бью, что, любячи меня, хочет меня к себе имети в свойстве. А лица ее написати и к государю вашему послати соромлюся, что она не красна, а не может добре, и лежала воспицею, и лице ее красно и ямовато... Таперво дитя-девица недомогает, а так, какова она теперва есть, не мочно парсон ее велети написати, хотя мне давай всего света богатество». Запись речи королевы, что невеста больна оспой и «лице ее

ямовато», что поэтому не может показать невесту, передает не дословный перевод, а реальный сколок живой русской разговорной речи, наполненной бытовой лексикой. В статейном списке Федора Писемского содержится рассказ о его секретных переговорах с английской королевой Елизаветой о женитьбе русского царя Ивана Грозного на родственнице королевы Мэри Гастингс (Марии Хантис). Посол просил, чтобы изготовили «парсуну» (портрет) невесты. Вначале послу отказывали в этом, а затем для него были устроены тайные смотрины. Вся сцена смотрин изображена с несомненным литературным мастерством и может быть отнесена к лучшим образцам художественной прозы XVI в. Сквозь деловую запись светится эмоциональное состояние участников тайных смотрин, взволнованность диалога, зримо обрисован облик и самой невесты. Ее литературный портрет предвосхитил известные портреты, появившиеся в литературе XVII в.: «Мария Хантис ростом высока, тонка, волосом руса, нос прям, у руки пальцы тонки и долги».

Приведем еще один красноречивый пример художественной прозы этого времени из «росписи» Ивана Петлина: «А дворы в Мугальской земле кирпичны, деланы на 4 углы, ограда кругом двора высока; а на дворах палаты кирпичные, а не высоки; а подволоки у палат выписано травами, красками разными; а украшены палаты различными красками: не хочется из палат вон итти». Или описание культовых буддийских скульптур в храме: «А по сторонам трех болванов стоят два болвана нагих, как быть человек в теле: не разпознаешь издале, что тело или глина, как быть жив».

Блестяще владел словом купец Федот Котов. Он впервые познакомил русского читателя с жизнью Персидского царства. Это не значит, что на Руси не было прямых связей с этой страной. Известно, что они восходят к древнейшим временам. Но в силу непонятных причин о Персидском царстве не было создано путевых записок, кроме заметок топографического содержания у Афанасия Никитина и его интересного описания праздника в честь основателя шиитской ветви мусульманства халифа Али. Первенство в ознакомлении с торговой, бытовой и деловой жизнью Персии принадлежит Федоту Котову.

Путешественник ярко рассказывает о торговых порядках столичного Испагана, о восточном базаре, где не только совершаются торговые сделки, но и изготавливаются различные товары («делают всякое дело»), чеканят монету («в той же тынчи и деньги делают»). Базар и место увеселения: зазывалы приглашают в кафе, где звучит музыка и посетители забавляются различными играми. Здесь же разбираются судебные дела, выносятся приговоры и совершаются казни. На базаре множество лавок и амбаров с товарами и среди них «русских с 200». В столице Персии оказались и русские мастеровые люди: «А с конца майдану ворота высоки стоят часы, а где часы стоят и то место выписано золотом, а сделано стройно, а у часов мастер русской».

На базар сам шах «выезжает». Во время пребывания Федота Котова в Персии правителем был шах Аббас I (с 1587 до 1629 г.), который в 20-х годах XVII в. удачными походами на Багдад расширил территорию, укрепил власть в государстве, стал опасным соперником для Турции. О шахе сообщается ряд интересных подробностей, в частности о его торжественной встрече после победоносного похода на Багдад, о его отношении к народу, о его политике кнута и пряника. «А шах охоч и днем гулять по майдану (торговой площади.— Н. П.) и рядам, не во многих людех, только перед ним ходят скороходы с батагами». Отношение к шаху Федота Котова весьма противоречиво. Ему импонируют традиционно строгие повеления шаха, но вместе с этим устрашает его жестокость и покорный фанатизм народа: «А заповедь шаха такова,— пишет путешественник,— кто не идет шаха встречать от седми лет до осмидесяти лет... того казнят — брюхо порют».

Записки землепроходцев оформлялись иначе, чем другие жанровые разновидности литературы путешествий. В них подводился краткий итог похода и открытий на основе собственных наблюдений и расспросов местных жителей. В их основе, как правило, живая «словесная карта» путешествия.

Отписка Петра Бекетова основана не только на собственных открытиях, но и на сведениях, добытых предшественниками. В частности, упоминаются открытия Ивана Максимова, который передал ему «роспись и чертежи» (описание и географические карты): «Иван подал роспись и чертеж Иргеню озеру, и иным озерам, и Кильке реке, и Шилке реке, и иным рекам, которые пали в Витим реку из Иргеня озера и из иных озер. И яз принял у него, Ивана, роспись и чертеж».

Записки Семена Дежнева состоят из двух отписок, посланных одна вслед за другой. Вторая отписка повторяет многие сведения, которые излагались в ранее посланной, но содержит и дополнительные описания открытого мыса на севере Чукотки (названного впоследствии мысом Дежнева) и лежбищ морского зверя. Вторая отписка, надо полагать, вызвана сомнением, что первая дойдет по назначению. Отписки Семена Дежнева писались в неимоверно трудных походных условиях, когда путешественники испытывали и холод и голод, в условиях столкновений с русскими промышленными и торговыми хищниками, которые обирали и истребляли местных жителей и тем самым озлобляли их против пришельцев, в условиях распрей и войн между самими родовыми племенами и народностями полуострова. У автора записок порой не было бумаги, и он скорбно сообщал: «А государевых всяких дел писать не на чем, бумаги писчей нет». Отправляя отписки с Сидоркой Емельяновым и с Панфилом Лаврентьевым, он дает наказ: «На Колыме реке... те отписки отдать служилым людям или торговым и промышленным, кто будет». Записки Дежнева непоследовательно излагают события, литературно не обработаны. Но когда их

читаешь, то испытываешь волнение от всего, будь это краткая запись о погибших друзьях, об имуществе, взятом в долг, о голоде, о переговорах с местным населением, о трудностях самого похода.

Путевые записки XVI—XVII веков относятся к произведениям документальной прозы. В Древней Руси документализм и художественный вымысел сливались в одном произведении. Лишь впоследствии документальная письменность и художественная литература постепенно стали размежевываться. Однако долгое время такое разделение было условным. Дело в том, что, по взглядам людей русского средневековья, всякое литературное произведение было лишено вымысла. Оно повествовало только о том, что было, о жизни. Даже библейские легенды признавались не выдумкой, а реальностью в прямом значении этого слова. Но и после осознанного разделения документальной прозы и художественной оба эти вида словесного творчества развивались во взаимодействии, оказывая влияние друг на друга. В отдельные исторические периоды нового времени эта взаимосвязь то усиливалась, то ослабевала, но никогда не прерывалась. Новое укрепление этой взаимосвязи мы видим в конце XVIII — начале XIX в. Примером того являются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и другие подобные произведения. В эпоху расцвета реализма с его отрицанием фактологического изображения Бальзак обронил известную фразу: «Это глупо как факт». Разумеется, факт может быть «глухим», то есть нехарактерным, исключительным. Документализм может и правдиво изображать жизнь и исказить ее, если избираются нехарактерные факты.

Правдивость и точность древнерусской литературы путешествий, в значительной мере обусловленные жанровыми канонами, которых строго придерживались авторы путевых записок, побуждали к тому, чтобы избегать «глухих» фактов. Само назначение и структура жанра заставляли писателей избирать наиболее важное и достойное. Небольшой объем сочинения, его лаконизм не позволяли размениваться на мелочи. Наконец, требование жанра писать только о том, что видел и слышал сам путешественник, соблюдалось на протяжении всей истории русского средневековья и во всех жанровых разновидностях. Отъезжающие дипломаты и землепроходцы получали специальный наказ от должностных лиц: «Помня час смертный, писать правду, без прикладу».

Древнерусская литература путешествий фактологична.

Эти произведения выполняли великую миссию. Порожденные материальными и духовными запросами исторической жизни народа, они несли знания современникам и накапливали поучительный опыт для последующих поколений. Бережное обращение с фактом, его точное изображение само по себе значительно и важно. Тогда факт становится ценным источником исторического познания жизни в различных аспек-

тах: по истории международных связей, географических открытий, культуры, этнографии, искусства. Но наряду с этим путевые записки — явление словесного творчества, явление языка разговорного, публицистического и художественного. Не случайно, например, путевые записки купца Трифона Коробейникова без преувеличения можно отнести к самым популярным произведениям древнерусской литературы. Они дошли до нас во многих сотнях списков, хранящихся в разных концах России. Они читались и царем Алексеем Михайловичем, и писателями XVII—XVIII вв., они были популярны среди грамотных крестьян Русского Севера и стали народным чтением.

Статейные списки русских послов и отписки землепроходцев адресованы были узкому кругу заинтересованных читателей и не рассчитаны на долгую жизнь. Однако и к ним появился и познавательный и отчасти литературный интерес в XVIII—XIX вв. Ряд путевых записок опубликован был Н. И. Новиковым в «Древней российской вивлиофике», а «роспись» Ивана Петлина и статейный список Федора Байкова о путешествии в Монголию и Китай привлекли к себе пристальное внимание не только в России, но и за ее пределами. Рукописный список «росписи» Ивана Петлина оказался в Западной Европе и семь раз издавался в XVII—XVIII вв. среди сочинений о замечательных географических открытиях. Статейный список Федора Байкова впервые был издан в середине XVII в. в Париже, а затем неоднократно издавался на латинском, французском, немецком и английском языках.

В современную эпоху интерес к документальной литературе возрос. Многовековой опыт прошлых эпох и ушедших поколений и сегодня может быть поучительным, поэтому не следует обходить его молчанием. Но до сего времени эти произведения рассматривались в основном как исторический источник и оставались в тени как явление литературного творчества эпохи.

Конечно, нравственно-эмоциональное впечатление возникает у подготовленного читателя. Ныне чтение путевых записок XVI—XVII вв. потребует у читателя преодоления языкового барьера. Несмотря на известные трудности в чтении, многие страницы путевых записок представят немалый познавательный и художественный интерес. В их кажущейся наивности содержится житейская мудрость, а в лаконизме ценная простота стиля, свойственные древнерусскому искусству.

Н. И. Прокофьев

Паломнические и светские хождения

